

*Морской шляхетный кадетский корпус во
второй половине XVIII в.
(По воспоминаниям его выпускников)*

Как справедливо отмечает автор новейшего исследования по истории Морского шляхетного кадетского корпуса, «его деятельность еще недостаточно изучена, особенно что касается первого пятидесятилетия... своего официального существования (с 1752 по 1801 год)»¹. На наш взгляд, сказанное в наибольшей степени относится к теме, которую можно условно определить как «внутренний быт» учебного заведения. Так, еще в 1886 г. Л.А.Загоскин, обучавшийся в Морском кадетском корпусе в 1822–1826 гг., писал: «Любопытно и даже необходимо проследить и внести в летописи флота частную жизнь моряков; а что мы знаем, например, о гардемаринах, женатых в царствование Екатерины Великой и императора Павла, заслуживших в боях со шведами георгиевское знамя...»².

Действительно, известные труды Ф.Ф.Веселаго и А.С.Кроткова, имеющие юбилейный характер, излагают лишь общую канву истории Корпуса³. Работы К.В.Белявского и Н.И.Барбашева посвящены отдельным ее аспектам на протяжении длительного времени: вопросам религиозно-нравственного воспитания, обзору учебной базы подготовки морских офицеров и т.д.⁴ Однако ни в этой, ни во всей обширной, но основанной главным образом на вышеуказанных изданиях литературе о Морском корпусе⁵ проблема комплексного изучения повседневной жизни его воспитанников до сих пор не ставилась. Не явилось исключением и исследование С.И.Вахмистровой, рассмотревшей по отдельности вопросы организационно-штатной структуры, материально-технического обеспечения, организации учебно-воспитательного про-

цесса в Морском шляхетном кадетском корпусе второй половины XVIII в.⁶

Важнейшее значение при историческом исследовании любых «структур повседневности» имеют источники личного происхождения; это прежде всего мемуары. Мы не можем согласиться с излишне оптимистичным утверждением о том, что «воспоминания выпускников» дают «живое представление о внутренней жизни корпуса в XVIII в.»⁷. Для такого вывода их число, к сожалению, слишком невелико: лишь четверо воспитанников Корпуса, ставших офицерами во второй половине XVIII в., оставили мемуарные произведения со сведениями о пребывании в этом учебном заведении⁸. Для сравнения скажем, что применительно к первой четверти XIX в. нам известно уже двенадцать таких опубликованных произведений⁹. Однако это обстоятельство должно только побудить к более внимательному изучению информации, заключенной в ранних источниках¹⁰.

Все они принадлежат к так называемым мемуарам-автобиографиям, изначально не рассчитанным на публикацию, писавшимся «для себя» и «для своих»¹¹. П.А.Данилов и Д.Н.Сенявин ко времени создания записок достигли адмиральских чинов, Н.А. Нордштейн и В.И.Штейнгель были обер-офицерами. Нордштейн делал свои записки в конце 1790-х—начале 1800-х годов, П.А.Данилов начал работать над воспоминаниями в 1799 г., Д.Н.Сенявин писал около 1810 г., а В.И.Штейнгель составил автобиографию только в 1819 г.¹²

Известный в историографии факт о непрестижности военно-морской карьеры среди дворянства XVIII в. находит свое подтверждение в свидетельствах мемуаристов. Даже происходивший из семьи блестящих флотских офицеров Д.Н.Сенявин писал, что в 1772 г. «матушка ездила в Петербург затем только, чтоб определить меня в сухопутный корпус. Матушка имела хорошую протекцию, но принят я не был...»¹³. В следующем году схожая история произошла с П.А.Даниловым: «С самого начала сего года мать моя хотела меня определить в Сенат, но ей отсоветовали, потом старалась записать в Инженерный корпус, но не принимали иначе, как на собственном содержании, и потому я определен в Морской кадетский корпус в кадеты...»¹⁴. Ситуация не изменилась и двадцать лет спустя, когда привезенного из Сибири в столицу «для определения в корпус» В.И.Штейнгеля тоже «хотели сначала определить в артиллерийский корпус, но в том не успели»¹⁵.

Решающее значение здесь имело, конечно, беспокойство родственников за будущую карьеру юных дворян — артиллерия давала наибольшие преимущества в старшинстве чинов (после гвардии, конечно), за ней шли армейская пехота и кавалерия, а флот пребывал на последнем месте. Но известно и личное мнение будущего офицера В.И.Штейнгеля: ему «очень не хотелось в оный. Не помню, кто-то в Москве, рассказывая мне про воспитание и приволье кадет в сухопутном корпусе, при графе Ангальте действительно бывшее, воспламенил мою юную голову в пользу сего корпуса. Мне страшно хотелось быть армейским»¹⁶.

Однако выяснять желания самих будущих кадетов никому не приходило в голову, поэтому об осознанном выборе ими морской службы речи быть не могло. Как написал по этому поводу Д.Н.Сенявин: «Одно то справедливо: кому где определено, тому там и быть». В случае с П.А.Даниловым дело решили, как мы видели, финансовые соображения. В.И.Штейнгель оказался в Морском корпусе, поскольку его директор И.Л.Голенищев-Кутузов приходился «свойственником» другу отца Владимира, занимавшемуся устройством судьбы будущего офицера, а кроме того, во флоте служил его двоюродный дядя. В судьбе Д.Н.Сенявина и П.Н.Нордштейна решающую роль сыграл адмирал А.Н.Сенявин, дядя первого из них. Своего племянника он в 1773 г. просто забрал для определения в Корпус, будучи проездом из Таганрога в столицу через Москву. Нордштейн же с братом сами в 1784 г. приехали в Петербург и «были у адмирала Сенявина, чрез коего милость определены в службу». Можно полагать, что такой путь поступления в корпус был довольно обычным¹⁷.

Сама процедура зачисления в кадеты запомнилась мемуаристам как крайне простая. Данилов вспоминает: «Привезла меня туда мать моя на первой неделе четырехдесятницы, и в среду был я уже за столом и в классах»¹⁸. Дмитрия Сенявина его отец, Н.Ф.Сенявин, бывший генеральс-адъютантом своего родственника-адмирала, зимой 1773 г. доставил прямо к корпусному майору, «они скоро познакомились и скоро подгуляли». Дело быстро уладили в лучшем виде: «Распростившись меж собою, батюшка сажился в сани, я целовал его руку, он, перекрестя меня, сказал: "Прости, Митюха, спущен корабль на воду, отдан Богу в руки". "Пошел!" — и вмиг из глаз сокрылся»¹⁹. Штейнгелю же пришлось ожидать, пока родственники пришлют из Эстляндии подтверждение его дворянского происхождения, поскольку привез-

зенное из Иркутска свидетельство о рождении показалось корпусной канцелярии недостаточным. Поэтому он прибыл в Кронштадт летом, числился волонтером и в кадеты был зачислен в августе, с началом учебного года. Впрочем, покровительство директора Корпуса способствовало тому, что все это время Владимир жил вместе с племянниками корпусного капитана М.П.Коробки в его доме, а в летнем кадетском лагере — в отдельной палатке²⁰.

Поразительно единодушны мемуаристы в оценках командования Корпуса, который с 1771 г. размещался в Кронштадте. Его директор адмирал И.Л.Голенищев-Кутузов как в 1770-е «жил в Петербурге и в корпусе бывал редко», так и в 1790-е годы «жил безвыездно в Петербурге и оставлял корпус на попечение подполковника». Думается, его следует считать скорее шефом учебного заведения, нежели собственно начальником. Впрочем, и непосредственно управлявший в 1770-е годы Корпусом капитан бригадирского ранга С.Б.Шубин «жил в Кронштадте, но вне корпуса, бывал в корпусе почти каждый день для того только, что был (то есть числился. — К.К.) в корпусе. За ним управлял по всем частям майор Голостенов и жил в корпусе, человек средственных познаний, весьма крутого нрава и притом любил хорошо покутить, а больше выпить». Та же ситуация сохранялась в начале 1790-х годов, когда подполковником являлся капитан 1 ранга Н.С.Федоров: «человек грубый, необразованный, не имевший понятия ни о важности, ни о способах воспитания детей. Он наблюдал свои счеты с гофмейстером корпуса Жуковым, а на него глядя и капитаны большею частью держались того же правила». Сменивший его в 1794 г. П.К.Карцов был хотя «человек честный, добрый, но также суровый и о воспитании прямом не лучшее понятие имевший». Однако с Карцовым, назначенным в 1803 г. директором корпуса, связан уже новый период истории учебного заведения, начавшийся с его переездом в столицу в 1796 г. Именно тогда «не только порядок, но и самый образ учения принял другой совсем вид»²¹.

Впрочем, не только высшее командование Корпуса, но и капитаны — командиры рот были далеки от воспитанников, как например командовавший в 1792 г. 3-й кадетской ротой П.В.Чичагов, «который, будучи сын знаменитого адмирала, не занимался вовсе ротою, оставя ее на попечение своего капитана-поручика» А.П.Кропотова²². Характерно, что воспоминания о капитанах

связаны в первую очередь с наказаниями: «В мою бытность в одном столе за ужином пожаловались капитану Быченскому, что каша с салом; удостоверившись в справедливости жалобы, он тут же приказал позвать Михайлыча — так вообще звали главного кухмистра — и велел бить его палками и вместе с тем мазать ему рожу тою кашею. Как ни глупо и ни смешно было такое зрелище во время стола благородных детей, но кадеты не смели смеяться, ибо Быченский был сущий зверь и кровопийца...»²³ В повседневной жизни кадеты и гардемарины общались главным образом с младшими корпусными офицерами — поручиками и подпоручиками, о которых сохранили гораздо более теплые воспоминания, прежде всего как о «покровителях» в различных ситуациях по службе²⁴.

Что касается уровня профессиональной подготовки и образования, приобретавшихся в Корпусе, мнения знаменитого адмирала и простого офицера в целом совпадают. Д.Н.Сенявин: «Кадет учили математическим и всем прочим касательно мореплавания наукам очень хорошо и весьма достаточно, чтобы быть исправным морским офицером, но нравственности и присмотра за детьми не было никаких...»²⁵. Н.А.Нордштейн: «Странное воспитание в сем корпусе — там учат всему, но ничему не научают, кроме науки, до мореплавания касающейся, да и то не до совершенства, — кто сколько успеет, хотя слабое понятие имеет, — тотчас офицер; от сего-то морские офицеры есть флотские, а более ничего»²⁶. В.И.Штейнгель конкретизирует картину преподавания не относившихся к «мореплаванию» предметов: «В ученье не было никакой методы, старались долбить одну математику по Евклиду, а о словесности и других изящных науках вообще не помышляли... Географии, истории, грамматике и рисованию учили кое-как, заставляя твердить наизусть то, чего не понимали; таков был и успех!.. Преподавание артиллерии и фортификации, предметов столь важных, было самое плохое: в том и другом классе, не сказав, что такое артиллерия, что фортификация, заставляли в первом не чертить, но скопировывать чертеж пушки, а во втором по старому плану Вобана учить одни названия полигона, бастионов, куртины и проч.»²⁷.

Следует заметить, что Штейнгель критикует систему преподавания в Корпусе сквозь призму требований универсального образования начала XIX в., тогда как Д.Н.Сенявин придерживается точки зрения, характерной для предшествующего времени, когда

во главу угла ставилась узко специальная практическая подготовка. Изменения в содержании преподаваемых в Корпусе дисциплин начались уже в последние годы XVIII в., причем с самых важных — математических: «...вместо Евклидовых стихов, кои учили наизусть по три года, особливо пятую книгу, предприняли преподавать математику по курсу Безу, начиная с арифметики, а не с геометрии, как прежде... В это время началось преподавание высшей математики и теории кораблевождения...»²⁸. Однако качественные перемены в учебном процессе пришлось только на начало XIX в.

Замечание Д.Н.Сенявина о том, что «нравственности и пристрастия за детьми не было никаких, а потому из 200 или 250 кадет ежегодно десятками выпускались в морские батальоны и артиллерию за леность и дурное поведение», безусловно требует статистической проверки²⁹. Однако общее мнение об уровне воспитания и «нравственности» тогдашних кадет у мемуаристов совпадает: «Между кадетами замечательна была вообще грубость, чувства во многих низкие и невежественные. В это время делались заговоры, чтобы побить такого-то офицера или учителя, пили вино, посылали за ним в кабаки кадет же... нередко соглашались при выходе из классов вечерних, пользуясь темнотою, делать им [учителям] различные пакости»³⁰. По мнению П.Н.Нордштейна, «сие делает воспитание в корпусе, где не видишь никого, кроме таких же, как сам, и еще грубо воспитанных, и тут же утопающих в пороках и в невежестве; невежества туча, — туча детей, достойных сожаления... Затем еще в обращении с развратными, коих много, мало-помалу делаются сами такими же, а ежели удержится быть благородным, то выходит страшно застенчивый и совсем не знающий политического обхождения; в собраниях не может не быть статуткой, хотя бы и раскрашенною»³¹.

Последнее замечание свидетельствует, на наш взгляд, о том, что по крайней мере в «кронштадтский» период своей истории Морской шляхетный кадетский корпус, вопреки названию, не давал своим питомцам истинно дворянского воспитания в том смысле, какой обычно вкладывается в это понятие для XVIII—XIX вв. Основных причин здесь, думается, можно выделить две. Во-первых, Корпус был совершенно отрезан от столицы и пребывал в военном гарнизоне, со всеми характерными особенностями его нравов. Лишь те воспитанники, кто имел родственников в Петербурге, покидали остров Котлин на Рождество и летом на

каникулы³². Из достопримечательностей Кронштадта современниками дружно отмечается одна непролазная грязь³³. Единственным развлечением, упоминающимся мемуаристами, являлся организованный в середине 1770-х годов по инициативе корпусных офицеров театр. По свидетельству П.А.Данилова, принимавшего участие в спектаклях, в театре ставились и пьесы сочинения служившего в корпусе капитаном А.С.Шишкова. Представления происходили в домах адмиралов С.К.Грейга, И.Я.Барша, после чего актеры — офицеры и некоторые из гардемарин приглашались на ужин, «где и танцевали с дочерьми...» хозяев³⁴. Для приобретения твердых навыков «политического обхождения» этого было, конечно, мало.

Во-вторых, даже в начале XIX столетия в Корпус поступали преимущественно дети дворянства мелкопоместного, где более нежели у кого-либо развиты были все привычки и злоупотребления крепостного права, и где маленький барич, находясь постоянно среди мальчишек дворни, привык ко всякого рода своевольной расправе с ними»³⁵. Отсюда понятны корни явления, о котором писал В.И.Штейнгель: «...это господство гардемарин и особенно старших в камерах над кадетами. Первые употребляли последних в услугу, как своих дворовых людей: я сам, бывши кадетом, подавал старшему умываться, снимал сапоги, чистил платье, перестилал постель и помыкался на посылках с записочками; иногда в зимнюю ночь босиком по галерее бежишь и не оглядываешься. Боже избави послушаться! — прибьют до полу-смерти. И все это, конечно, от призору наставников. Зато какая радость, какое счастье, когда произведут, бывало, в гардемарин: тогда из крепостных становишься уже сам барином, и все повинуются!»³⁶ «Наставники» же, как было показано выше, в свою очередь зачастую подавали пример вполне барской расправы над провинившейся дворней.

Бытовые условия тоже не способствовали «шляхетному» образованию. «Содержание кадет было самое бедное. Многие были оборваны и босы... Нередко по-спартански и кормили... Зимой в комнатах кадетских стекла были во многих выбиты, дров отпускали мало, и чтоб избавиться от холода, кадеты по ночам лазили через забор в адмиралтейство и оттуда крали бревна, дрова или что попадалось...»³⁷. Основным воспитательным средством была розга, которой в мемуарах посвящено очень много места; во время уроков ставили на колени на горох, били линейкой, имелся

также карцер, куда сажали на хлеб и воду. Не вдаваясь в интересные подробности заочной дискуссии между Д.Н.Сенявиным и В.И.Штейнгейлем о достоинствах и недостатках этой педагогической методики, присоединимся к мнению последнего об основном ее результате: «...одну только ту выгоду приносило, что между кадетами была связь чрезвычайная. Случалось, что одного пойманного в шалости какой-либо замучивали до последнего изнеможения, добываясь, кто с ним был, и не могли иного ответа исторгнуть, кроме — “не знаю”. Зато такой герой награждался признательностию и дружбою им спасенных. С этой стороны воспитание можно было назвать спартанским»³⁸.

Не удивительно, что когда П.А.Данилов, прочтя «чувствительный роман» в духе сентиментализма не смог сдержать слез, то «для многих кадет это было непонятно и удивительно, и они сочли меня сумасшедшим». Впрочем, многое зависело от самих воспитанников, и тот же Данилов с другом «доставали книги для чтения и вместе рассуждали и для приучения себя к сочинению писем согласились переписываться, полагая, что он находится при дворе, а я в деревне, и сии письма вносили мы в особую книгу...», причем за эти занятия были поощрены корпусными офицерами³⁹. Однако сложившиеся условия гораздо более способствовали развитию другого типа жизненного поведения гардемарин, который ярко представлял Д.Н.Сенявин: «На место слова честолюбие употребляли мы термин молодечество. Были у нас еще в употреблении разные пословицы, самые варварские, как-то: “ухо режь, кровь не капнет”, “смерть — копейка”; к тому же похвала сверстников, когда говорят: “этот хват, славный околотень”. Все это делало нас некоторым образом отчаянными, смелыми и даже дерзкими. Я был крепкого здоровья и часто иногда с горем пополам оставался победителем товарищей и бутылок с медом»⁴⁰.

Чрезвычайно серьезными, даже решающими для начала карьеры событиями были два практических плавания гардемарин на судах Балтийского флота. Первая кампания проходила обычно в водах Балтики. Так, П.А.Данилов в 1776 г. на фрегате «Африка» получил очень хорошую школу: лейтенант учил «снастям и их употреблению и часто со мною разговаривал»; гардемарин стоял вахты, вел журнал «подобный штурманскому», бросал лаг, обучался руководить поворотами судна. Вместе с товарищем они наравне с офицерами столовались у капитана. Бла-

годаря рецепту наставников гардемарин одолел в этом первом плавании и морскую болезнь: «Сначала меня укачивало и рвало, но научили меня проглотить на нитке кусок сырой ветчины и опять оный вынуть; с того времени и меня более не укачивало»⁴¹.

Вторая кампания была еще важнее первой, так как ее итоги непосредственно влияли на производство в чин. Данилову, например, получившему за вторую практику плохой аттестат от командира корабля, было объявлено, что он вовсе не будет выпущен в офицеры, несмотря на хорошо сданные в Корпусе экзамены. Только после ходатайства за него перед подполковником корпуса В.П.Фондезиным, по просьбе которого командир задним числом переписал аттестат, Данилов получил чин⁴². Правда, во вторую кампанию гардемарин назначали на суда уже большими группами, там специальных занятий с ними почти не проводили, и будущие офицеры осваивали главным образом матросское ремесло.

Существовала и реальная возможность попасть в «дальний вояж», считавшийся за две кампании. Это был либо переход в Кронштадт из Архангельска, куда отправлялись сушей, либо плавание за пределы Балтики. Когда оба варианта совпадали по времени, то выбор был за самими гардемаринами. Так, Данилов в 1777 г. записался в Италию, Сенявин в 1779 г. ходил до Нордкапа. Штейнгель уже в первую кампанию в 1795 г. имел возможность поступить на эскадру, отправлявшуюся для совместных действий с англичанами против Франции в Северном море и впоследствии очень сожалел о своем отказе, так как отправившихся туда гардемарин уже на следующий год, раньше срока, произвели в офицеры⁴³. Вообще же «трехкампанцев» по окончании Корпуса выпускали мичманами, а «двухкампанцев» — «теми же чинами за мичманов на мичманском окладе с дозволением носить мундир и шпагу без темляка»⁴⁴. Разница была значительная, поскольку последние проигрывали в старшинстве и выслуге лет.

Выпускные экзамены происходили весной. Сперва их сдавали в Корпусе, причем экзаменовали старшие офицеры, например, в 1778 г. Данилова — лично главный командир Кронштадтского порта адмирал С.К.Грейг. Затем выпускники в сопровождении корпусного адъютанта отправились на яхте в Петербург и высадились у дома директора корпуса Л.И.Голенищева-Кутузова,

где без пяти минут офицеры переночевали на соломе. В десять утра их отвели в дом вице-президента Адмиралтейства-коллегии графа И.Г. Чернышева, который, осмотрев в своем кабинете фактически уже бывших гардемарин, велел им отправляться в Коллегию на последний экзамен. Там «господа члены нас спрашивали, о чем почитали за нужное, потом нас поздравили с выпуском из корпуса...»⁴⁵.

Те из новоиспеченных офицеров, кто имел родственников в Петербурге, могли остаться на несколько недель «для обмундирования себя» за собственный счет, что и проделал П.А. Данилов. Затем, получив от директора Корпуса указание прибыть в Кронштадт, он в сопровождении слуги отправился туда, снял квартиру, был назначен на корабль и приступил к исполнению своих обязанностей⁴⁶. Произведенный одновременно с ним Д.А. Сенявин вспоминает: «...дано каждому на экипировку жалованья вперед за полтрети, т.е. 20 рублей, да сукна на мундир с вычетом за год, да дядюшка Алексей Наумович подарил мне тогда же 25 рублей. Итак, я при помощи мундира и 45 рублей оделся очень исправно; у меня были шелковые чулки (это был парад наш), пряжки башмачные серебряные превеликие, темляк и эполеты золотые, шляпа с широким золотым галуном... были мы сыты, румяны и хорошо одеты...»⁴⁷.

Таким образом, несмотря на определенную субъективность и неизбежную фрагментарность свидетельств мемуаристов, они добавляют немало новых штрихов и сообщают много уникальных сведений о истории Морского шляхетного кадетского корпуса. Сделанная нами попытка систематизировать эту информацию в перспективе предполагает использование ее, в сочетании с официальной документацией Корпуса, для создания цельной картины повседневной жизни будущих офицеров российского флота второй половины XVIII в. Другой исследовательской задачей является установление преемственности и эволюции в корпусном быте, для чего необходим анализ мемуарных источников первой четверти XIX в. Такая работа может дать интересные результаты, поскольку известно, что с воцарением Павла I «переменилось с первых дней положение кадет Морского корпуса. Чрез месяц половина их была уже в Петербурге, и ничего похожего на спартанское не осталось... Государь отечески занялся заброшенными. Посещения были часты и внезапны. Заботливость гласная, разительная. "Логин! Не обманываешь ли ты меня, всегда

ли у тебя так хорошо?" — спросил государь однажды нашего генерала Кутузова во всеуслышание, пробуя хлеб в столовой зале»⁴⁸.

¹ Вахмистрова С.И. Подготовка офицерских кадров для российского флота во второй половине XVIII века (по опыту Морского шляхетного кадетского корпуса): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 3.

² [Загоскин Л.А.] Морской шляхетный корпус в воспоминаниях Л.А. Загоскина: 1822–1826 гг. // Русская старина. 1886. Т. 52. № 12. С. 710.

³ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка выпускников за 100 лет. СПб., 1852; Кротков А.С. Морской кадетский корпус: Краткий исторический очерк. СПб., 1902.

⁴ Беляевский К.В. Очерк истории церкви Морского кадетского корпуса. СПб., 1900; Барбашев Н.И. К истории мореходного образования в России. М., 1959.

⁵ Краткий обзор литературы по истории Морского шляхетного кадетского корпуса см.: Вахмистрова С.И. Подготовка офицерских кадров для российского флота... С. 4–7.

⁶ Там же. С. 11–17.

⁷ Там же. С. 10–11.

⁸ Выписки из памятной книжки Николая Александровича Нордштейна // Шукинский сборник. М., 1905. Вып. 4. С. 193–195; [Сенявин Д.Н.] Записки адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина // Морской сборник. 1913. Т. 377. № 7. Паг. 8-я. С. 5–11; Данилов П.А. Жизнь моя. Записки адмирала Данилова: 1759–1806 гг. Кронштадт, 1913. С. 28–41; Штейнгель В.И. Автобиографические записки // Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. I. Записки и письма. С. 81–82, 89–99.

⁹ Такая динамика роста числа мемуарных произведений вполне соответствует общероссийским тенденциям развития этого жанра. Подробнее см.: Тартаковский А.Г. 1) Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX века: От рукописи к книге. М., 1991; 2) Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997.

¹⁰ Об особенностях мемуаров, созданных уже в XIX в., но повествующих о XVIII столетии, см.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX века. С. 20–22.

¹¹ Об этой разновидности источников личного происхождения см.: Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 475–485.

¹² Сведения о времени создания воспоминаний и биографические данные о П.А. Данилове см.: Сигал О.С. Записки адмирала П.А. Данилова «Жизнь моя» (1759–1806 гг.) // Морская история. 1999. Вып. I. С. 86–89; о Д.Н. Сенявине: Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1958; о В.И. Штейнгеле: Зейфман Н.В. Декабрист Владимир Иванович

Штейнгель // Штейнгель В.И. Сочинения и письма. С. 3–54. — Что касается Нордштейна, то Николай Александрович среди офицеров российского флота рассматриваемого периода не числится, но в 1784 г. в корпус были зачислены Василий и Петр Николаевичи Нордштейны (Общий морской список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 473–475). Так как год зачисления совпадает с указанным в записках, где также упоминается брат автора Василий, то можно утверждать, что их создателем является П.Н.Нордштейн (Выписки из памятной книжки... С. 193–194).

¹³ [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 5.

¹⁴ Данилов П.А. Жизнь моя... С. 28.

¹⁵ Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 81.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 5; Выписки из памятной книжки... С. 194.

¹⁸ Данилов П.А. Жизнь моя... С. 28

¹⁹ [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 6.

²⁰ Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 81–82.

²¹ Данилов П.А. Жизнь моя... С. 29; [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 6; Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 89, 91.

²² Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 82.

²³ Там же. С. 90–91.

²⁴ Данилов П.А. Жизнь моя... С. 31–35, 39; Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 95.

²⁵ [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 6.

²⁶ Выписки из памятной книжки... С. 194.

²⁷ Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 89, 92, 94.

²⁸ Там же. С. 91, 99.

²⁹ [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 6. — С.И.Вахмистрова, посвятив одну из глав своего исследования анализу дальнейшего прохождения службы выпускниками корпуса, к сожалению, не рассмотрела столь важную для изучения «учебно-воспитательного процесса» проблему, как досрочное отчисление кадет.

³⁰ Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 90.

³¹ Выписки из памятной книжки... С. 194.

³² Данилов П.А. Жизнь моя... С. 32, 34, 37.

³³ Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 98; Панафидин П.И. Письма морского офицера (1806–1809). Пг., 1916. С. 9.

³⁴ Данилов П.А. Жизнь моя... С. 32–34. — После откомандирования в 1778 г. на Черное море корпусных офицеров С.П.Лобысевича и В.И.Елагина — организаторов театра, он «почти рушился» (Там же. С.39). Подробнее о Елагине и Лобысевиче см. соответственно: Общий морской список. СПб., 1890. Ч. III С. 522; Ч. IV. С. 257.

³⁵ Завалишин Д.И. Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год // Русский вестник. 1873. Т. 105. № 6. С. 627.

³⁶ Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 91.

³⁷ Там же. С. 89–90.

³⁸ Там же; [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 6–8.

³⁹ Данилов П.А. Жизнь моя... С. 31–32.

⁴⁰ [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 9.

⁴¹ Данилов П.А. Жизнь моя... С. 36–37. — О первом гардемаринском плавании см. также: [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 8; Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 92–93.

⁴² Данилов П.А. Жизнь моя... С. 39.

⁴³ Там же. С. 38; [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 9–11; Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 92, 94–95.

⁴⁴ Данилов П.А. Жизнь моя... С. 40–41.

⁴⁵ Там же. С. 39–40; [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 11.

⁴⁶ Данилов П.А. Жизнь моя... С. 41–42.

⁴⁷ [Сенявин Д.Н.] Записки... С. 11.

⁴⁸ Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 98–99.